

Джек Лондон

Мятеж на "Эльсиноре"

Перевод М. А. Шишмаревой

Ростов-на-Дону: Орфей, 1991

[OCR: A.Ноздрачев \(nozdrachev.narod.ru\)](http://OCR: A.Ноздрачев (nozdrachev.narod.ru))

ГЛАВА I

С самого начала путешествие не предвещало ничего доброго. Поднятый с постели в холодное мартовское утро (на дворе был лютый мороз), я вышел из моего отеля, проехал Балтимору и явился на пристань как: раз вовремя. В девять часов катер должен был перевезти меня через бухту и доставить на борт "Эльсиноры", и я, промерзший насквозь, сидел в моем таксомоторе и с возрастающим раздражением ждал. На наружном: сиденье ежились от холода, шофер и мой Вада, при температуре, пожалуй, еще на полградуса ниже, чем внутри. А катер все не показывался.

Поссум, сценоч фокстерьер, легкомысленно навязанный мне Гольбрэтом, скулил и дрожал под моим теплым: пальто и меховым плащом и ни за что не хотел уgomониться. Он не умолкая визжал и царапался, стараясь вырваться: на свободу. Но стоило ему высунуть мордочку и почувствовать укусы мороза, как он снова и так же настойчиво принимался визжать и царапаться, заявляя о своем желании вернуться в тепло.

Этот непрекращающийся визг и беспокойная возня действовали отнюдь не успокоительно на мои натянутые нервы. Начать с того, что этот зверек нимало не был мне интересен. Я его не знал и не питал к нему нежных чувств. Несколько раз, утомленный ожиданием, я был уже готов отдать его шоферу. А один раз, когда мимо нас проходили две девочки (должно быть, дочки смотрителя пристани), я потянулся было к дверце мотора, чтобы позвать их и презентовать им это несносное, скулящее существо.

Этот прощальный подарок Гольбрэта привезен был из Нью-Йорка экспрессом и явился в мой отель сюрпризом накануне ночью. Обычная манера Гольбрэта. Что стоило ему поступить прилично, как все люди, и прислать мне фруктов или... даже цветов. Так нет же: дружеские чувства его любящего сердца непременно должны были выразиться в образе визжащего, твякающего двухмесячного щенка.

Черт бы побрал эту собаку! Черт бы побрал и Гольбрэта! И, замерзая в моем моторе на этой проклятой пристани, открытой всем ветрам, я заодно проклинал и себя, и сумасбродную свою затею объехать на парусном судне вокруг мыса Горна.

Около десяти часов на пристань явился пешком: неописуемого вида юноша с каким-то свертком в руках, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. "Это для лоцмана", - сказал он и дал шоферу указание, как добраться до другой пристани, откуда через неопределенное время меня должны будут доставить на "Эльсинору" другим катером. Это только усилило мое раздражение. Почему же не уведомили меня об этом раньше?

Через час, когда я все еще сидел в автомобиле, но уже на другой пристани, явился наконец лоцман. Я не мог себе представить ничего менее похожего на лоцмана. Передо мной стоял никак уж не сын моря в синей куртке, с обветренным лицом, а сладкоречивый джентльмен, чистейший тип преуспевающего дельца, каких можно встретить в каждом клубе. Он тотчас же представился мне, и я предложил ему место в моем промерзшем моторе рядом с Поссумом и моим багажом. Перемена в расписании произошла по распоряжению капитана Уэста - вот все, что было известно ему. Впрочем, он полагал, что пароходик придет за нами рано или поздно.

И он пришел в час дня, после того, как я был принужден прождать на морозе четыре убийственных часа. За это время я окончательно решил, что возненавижу капитана Уэста. Правда, мы с ним ни разу еще не встречались, но его обращение со мной с самого начала было по меньшей мере развязно. Еще в то время, когда "Эльсинора", вскоре по прибытии из Калифорнии с грузом ячменя, стояла в бассейне Эри, я приезжал из Нью-Йорка нарочно, чтобы ознакомиться с судном, которому предстояло много месяцев быть моим домом. Я пришел в восторг и от судна и от устройства кают. Вполне удовлетворяла меня и предназначенная мне офицерская каюта, оказавшаяся даже просторнее, чем я ожидал. Но когда я заглянул в каюту капитана, то был поражен царившим в ней комфортом - достаточно упомянуть, что дверь из нее открывалась прямо в ванную, и что в числе удобной мебели там стояла большая бронзовая кровать, присутствие которой никак нельзя было подозревать на судне дальнего